

Дюзенли М. В.

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: РЕЛИГИОЗНАЯ МОДЕЛЬ

В настоящей статье исследуются особенности метафорической концептуализации семейных отношений на примере религиозной модели. Анализ проводится на материале русских и турецких корпусных данных. Метафорические контексты анализируются согласно положениям когнитивной теории метафоры с учетом семантических критериев.

Современные лингвистические исследования антропоцентрического характера все чаще обращаются к изучению языковой семантики в ее связи с когнитивными структурами и механизмами с целью установления как общечеловеческих закономерностей концептуализации действительности, так и ее национально-культурных особенностей. Для многих из них характерно повышенное внимание к изучению образной системы языка и феномена метафоры. Фрагменты обыденной картины мира, закрепленной в языке, в настоящее время нередко исследуются в рамках когнитивного направления лингвистических исследований, в которых все большее место как в России, так и за рубежом занимает теория концептуальной метафоры. Ее основные положения были изложены в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004] и развиты многими отечественными исследователями [Балашова 2014; Баранов 2014; Будаев 2010; Чудинов 2000, 2001, 2004 и др.]. Метафора в когнитивном понимании предстает как способ концептуализации и структурирования определенного знания о мире и выделяется на основе достаточно широкого подхода как к содержательным ее признакам (любое уподобление, в т. ч. гиперболы, перифразы, фразеологизмы и др.), так и к формальным (в т. ч. сравнения как, будто, похож, словно, точно

и др.). Такой подход позволяет включить в анализ максимальный объем лингвистического материала. При этом максимальной объективации структурно, стилистически и функционально неоднородных данных, как и возможности проследить системные связи в функционировании слов разных частей речи в качестве метафор, можно достичь при условии использования электронных текстовых корпусов. В нашем исследовании анализ метафорической концептуализации семейных отношений проводится на базе двух текстовых корпусов (НКРЯ и METU Turkish corpus), имеющих в своем составе тексты разных стилей и жанров, хронологически относящиеся к периоду 1990-2000 гг. Метафорический контекст понимается нами как бинарное или многочленное словосочетание или предложение, являющееся достаточным для реализации метафорического значения слова. Достаточно репрезентативные выборки контекстов позволяют выделить определенные модели, по которым конкретизируются метафорические переносы.

Когнитивная структура данной М-модели в обеих ее реализациях является абсолютно не разветвленной: слоты отсутствуют. Это свидетельствует о том, что в рамках данной сферы уровень категоризации укрупнен. По количеству фреймов (9) русскую реализацию модели можно назвать достаточно мощной. В ее состав входят следующие фреймы: 1) «Религиозные организации»; 2) «Объекты религиозного почитания»; 3) «Человек по отношению к религии»; 4) «Религиозные догматы»; 5) «Религиозные обряды»; 6) «Предметы религиозной практики»; 7) «Религиозные тексты»; 8) «Культовые сооружения»; 9) «Служитель культа». Однако только два фрейма из всех представленных в ней (2 и 4) нашли свой аналог в турецкой. Показатели частотности метафор модели практически одинаковы в обеих ее реализациях (2,3% в русской и 3% в турецкой).

В русской реализации рассматриваемой модели проходит аналогия, возникшая под влиянием христианства: взаимоотношения мужа и жены метафорически соотносятся с взаимоотношениями Христа и Церкви. При этом подчеркивается их взаимозависимость и доминирующая позиция мужа (*муж глава жены как Христос глава Церкви; как Церковь повинуется Христу; повинуйтесь своим мужьям как Господу* и т.п.). Кроме того, акцентируется жертвенность

мужа перед женой: <...> *что муж призван занять по отношению к жене то положение жертвенной, всецело себя отдающей любви, которое занял Христос* [митрополит Антоний (Блум). Вопросы брака и семьи].

Обобщенный образ Бога в его различных лексических вариациях (*бог, богиня, богинька, божественный*) в концептуализации семейных отношений может иметь различные денотаты. Применительно к матери этот образ актуализирует смыслы «уважение», «авторитет», «душевная чистота» (*божественная воля мамы, божественный свет материнства, похожа на Богоматерь в киоте*), по отношению к женскому субъекту семейных отношений часто указывает на внешнюю красоту (*с фигурой богини, дочурка богинька*). В турецкой реализации данной модели с Богом метафорически соотносится только муж, при этом акцентируется смысл традиционного для турецкой культуры безграничного уважения к нему со стороны жены: <...> *diyorum ona, bunca yıl beni koruduğün için sana minnettarım. Çocuklarımın babası olduğün beni aç bıraktığığın için Tanrı kadar saygım var sana.* (<...> *говорю ему: «Я благодарна тебе за то, что столько лет защищал меня. За то, что стал отцом моих детей, меня не оставил голодной, я испытываю к тебе столько уважения, сколько к Богу»*) [Ş. İşigüzel. Öykümü Kim Anlatacak].

В рамках обеих реализаций модели концептуально значимой является религиозная оппозиция *ангел* (*ангелок, ангелочек, ангельский, melek* досл. «ангел», *küçük melek* досл. «ангелочек») ↔ *черт* (*дьявол, сатана, şeytan* досл. «черт», *küçük şeytan* досл. «чертенок»). Интересно, что, не имея регулярного денотата (жена, муж, отец, ребенок), подобные метафоры всегда связаны с характеристикой поведения субъекта семейных отношений, придавая ему соответственно либо положительные, либо отрицательные коннотации: *Вспомнились пословицы: «Муж и жена – одна сатана»* [Л. Иванова. Искренне ваша грешница]; *Уж лучше бы я вышла замуж за самого дьявола!* [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО]; *Знаете, у меня жена – ангел!* [Коллекция анекдотов]; <...> *она несколько старше ангела-мужа, но благодарна ему до святости* [Л. Петрушевская. Невинные глаза]; *O günden sonra annem, bende hep kötülük gördü. Artık onun gözünde İlkey bir iyilik meleği, ben ise küçük bir şeytandım*

(После этого дня мама всегда видела во мне только плохое. В ее глазах Илькай был **ангелом добра**, я же был **маленьким чертенком**) [P. Aka. *Aynalara yolculuk*]; *Türlü çeşit yaramazlıklar yapır günde en azından bir kez bahçedeki havuza düşüp anneannesini çileden çıkaran sevimli bir şeytandı* (Он был милым **чертенком**, среди его всевозможных шалостей было как минимум один раз в день упасть в расположенный в саду бассейн и вывести из себя бабушку) [N. Abadan-Unat. *Kum Saatini İzlerken*] и др.

Из других религиозных догматов, используемых для концептуализации семейных отношений, в рамках русской реализации модели можно отметить метафоры *греха*, *креста* и *ада*. Ад символизирует семейные проблемы (*ад семейной жизни*) и акцентирует смысл мучений, которые они доставляют субъекту: *Это превратит брак – и без того сам по себе **адский институт – в полную преисподнюю*** [А. Инин. *Женщина и мужчина*]. Похожие смыслы воплощены в метафоре *несение семейного креста*. Ее денотатом обычно выступает ребенок, соответственно, крест как разновидность груза символизирует тяготящую родителей ответственность за детей. Грех применительно к семейным отношениям в нескольких контекстах денотативно соотносится с сексуальными отношениями вне брака или в рамках гражданского брака: *А твоя Светлана Владимировна, про которую ты мне говорил, сожительствоет **в грехе** с Лористоновым. Это называется, кажется, гражданским браком. Или у нас все браки гражданские?* [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта].

Отметим, что в контекстах, взятых непосредственно из религиозных источников, греховность супружеского секса как такового отрицается: *Рассказ нам совершенно ясно показывает, что Адам познал Еву только после грехопадения, и поэтому их физический, телесный брачный союз не мог и не может никаким образом быть рассмотрен как **грех** сам по себе* [митрополит Антоний (Блум). *Уроки Ветхого Завета*].

Для турецкой реализации модели специфической особенностью является частотное использование метафоры *kiyamet* досл. «конец Света», которая денотативно соотносится с родительским наказанием по отношению к детям и содержит метафорические смыслы страха: *Ancak bir aile dostunun eşi ilişkiyi doğrulayınca evde kızılca*

kıyamet koprtu (Однако, когда жена одного друга семьи подтвердила существование этих отношений, дома произошел конфликт (идиома = дословно «наступил ярко красный **конец Света**») [Milliyet]; *Annemin evde olmadığı bir gün beş tanesini götürüp en yakın cam biriktirme kumbarasına atmıştık da kıyamet kopmuştu evde. Annem, o kadar kavanozun içinde beş tanesinin eksildiğini nasıl oldu da anladı, hâlâ şaşıyoruz.* (Однажды, когда мамы не было дома, мы пять штук отнесли и выбросили в контейнер для стеклотары, в доме **наступил конец Света**. Мы до сих пор удивляемся, как среди такого количества банок мама смогла пяти не досчитать.) [M. Sertbatur. Çığdem Der ki].

Другие религиозные метафоры применительно к семейным отношениям (*икона, свадебный алтарь, семейная обитель* и др.) не обладают достаточной частотностью и регулярностью в рамках рассматриваемой модели.

Таким образом, метафорическая концептуализация семейных отношений в рамках религиозной модели свидетельствует с одной стороны, об универсальности своих механизмов по отношению к обоим рассматриваемым языкам, а с другой – о наличии определенной национальной специфики. Последняя выявляется на уровне отдельных компонентов когнитивной структуры модели (фреймов), уровне продуцируемых моделью смыслов, а также в национально-специфической лексике, задействованной в метафоризации и отражающей важные для соответствующей культуры реалии.

Список литературы

1. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее и будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
2. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Дисс. ... д-ра фил. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2010. 474 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.
5. Чудинов А. П. Теория метафорического моделирования действительности на современном этапе развития // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. общ-ва. Екатеринбург: Урал. гос. пед ун-т. 2000. Т 5. С. 94–101.

6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

7. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.